

«ОДНА ЖИЗНЬ ВМЕЩАЕТ СОТНИ ЖИЗНЕЙ»

Свернув с широкой магистрали, попадаю в тишину тесно уставленной старинными домами улицы Казбеги. Еще сотня-две шагов, и современный многоэтажный дом неожиданно расширяет пространство. Невольно останавливаюсь. «Ищите кого-то?» — вышедший из подъезда мужчина обращается явно ко мне. «Гогоберидзе, — отвечаю я, — Лану Гогоберидзе». «Ах, Лану? Идемте». Поднимаемся на верхний этаж дома, добровольный провожатый торжественно указывает на одну из дверей: «Здесь живет наша Лана».

Наша Лана... Когда имя в Грузии начинает жить отдельно от фамилии — это значит, что к человеку пришло признание. К кинорежиссеру, сценаристу, народной артистке Грузинской ССР Лане Левановне Гогоберидзе это относится сполна. Ее фильмы «Я вижу солнце», «Когда зашел миндаль», «Несколько интервью по личным вопросам», «День длиннее ночи» хорошо знают в стране и за рубежом. В каждой из этих работ Лана реализует оригинальный художнический замысел, который она сама определяет как «женщина и время».

— Судите сами, могла ли эта тема обойти меня стороной. Мне не было и девяти, когда репрессировали моего отца, крупного партийного работника. Как и для тысяч безвинно оговоренных людей, год 37-й стал для него роковым. Вскоре арестовали и мою мать. Я осталась на руках теток — сестер матери и отца. Женщины, женщины вокруг... Но какие женщины! Горечь утрат, страдания, казалось, только укрепили их дух, удесятирили силы. Как они старались, чтобы мы, дети, не чувствовали себя обездоленными. И моя память сохранила от тех лет не мрачные, унылые дни, а удивительные праздники детства: театральные представления, музыку, фейерверки... Много лет спустя я поняла, как помогало им в этом то, что искони заложено, на мой взгляд, в каждой женщине, — сила жизни, человеческое достоинство, способность выстоять и проявить душевную щедрость. И конечно же, их «веселое сердце», о котором очень точно сказал как-то писатель Виктор Шкловский.

В национальном характере моего народа есть эта озорная, сочная, часто замешанная на грусти веселость. Стоит только вспомнить нашу литературу, фильмы, увидеть картины Пиромани... И славные наши женщины — плоть от плоти народа — как они могли не войти в мои картины? Главное для меня и, надеюсь, для зрителя: как женщина преодолевает душевную трагедию, сможет ли она сохранить свою индивидуальность, остаться личностью.

— Не потому ли так часты в ваших фильмах страстные исповеди-монологи женщин о том, что их волнует? Особенно примечательна в этом смысле картина «Несколько интервью по личным вопросам».

— «Я есть любовь» — эти слова поэта Уолта Уитмена звучали во мне при работе над фильмом. Личные наблюдения и переживания, — а я уверена, что каждый режиссер идет от того, что ему близко, хорошо знакомо и дорого, — давали надежду, если не скрупулезно исследовать, то хотя бы наметить тот или иной характер. Вот, к примеру, эпизод возвращения молодой уже женщины после долгих лет скитаний по лагерям. Крошечный эпизод, но как много стоит за ним!

Моя мать вернулась, когда мне было пятнадцать лет. Началось нелегкое привыкание — узнавание. После долгих и мучительных для нас обеих дней я вдруг остро и радостно осознала: этот казавшийся мне посторонним человек — моя мать. С тех пор она для меня — идеал женщины. Поражало: хрупкая женщина, ощутившая на себе ужас потери любимого, семьи, собственного изгнания, не просто сохранила лучшие человеческие качества, но любовь к людям стала у нее глубже, нежнее.

— Насколько мне известно, вы в какой-то степени продолжили дело своей матери, трагически прерванное когда-то: ведь в тридцатые годы она была первой в Грузии женщиной-кинорежиссером, успела сделать два-три фильма.

— Все они потом бесследно исчезли. Нет, Нина Гогоберидзе не вернулась к режиссуре. Она написала несколько рассказов о лагерной жизни, была одним из составителей толкового словаря грузинского языка. Кстати, это ее позднее увлечение филологией определило и мой первоначальный путь: я закончила Тбилисский университет, переводила Уитмена, Тагора. Но, видимо, страсть к кинематографу действовала от мамы передалась и мне. Я поехала в Москву, поступила во ВГИК, училась в мастерской у Сергея Герасимова... Но не только свою профессию мама, как эстафету, вложила в мои руки. Она дала мне неизмеримо большее: она научила меня ценить дружбу.

Жизнь дала мне верных друзей. Прежде всего это Заира Арсенишвили, сценарист. Мы знаем друг друга лет двадцать, ее мироощущение настолько тождественно моему, что, снимая по ее сценариям фильмы, я физически ощущаю кровное родство с героинями. Есть у меня подруга-физик, есть журналист, языковед, а есть та, с которой я дружу целую вечность — с девятнадцати лет. Жизнь ее, если смотреть по-бытоватски, не устроилась: закончить учебу в университете не удалось, замуж не вышла, живет в полутемной комнате... Но как я люблю этот ее дом, где со стен на меня смотрят пейзажи Грузии, портреты моих современниц — лучшие художники Тбилиси дарят Лие свои картины. И ходит среди этого великолепия с томиком неизменного Томаса Манна в руках погрубевшая (уву!) женщина, ходит горделиво, не согнутая ни обстоятельством, ни довольно тяжелым бытом. Выростила племянницу, сейчас так же радостно и неистово растит ее сыновей... В молодости она была самой яркой, самой неповторимой из нас. Впрочем, почему была? И сейчас она остается для всех средоточием поистине неиссякаемой духовности, оптимизма, юмора...

— Ваши фильмы, на мой взгляд, притягательны тем, что дают почти документальную хронику драматических ситуа-

ций, в которых оказывается женщина. Наиболее узнаваема та из них, в которой она пытается совместить два призвания: быть хорошей женой, матерью, хозяйкой дома и отдавать силы любимому делу.

— Это краеугольный камень наших многолетних размышлений о связи женщины и времени, в которое она живет. Прошедшие века давали женщине одну возможность самовыразиться — через мужа, через детей. Только в наше время она смогла самостоятельно выйти на общественную арену. Вот откуда громадный всплеск ее потенциала: в работе, в общественной деятельности. Наше общество аплодировало своим героиням — летчицам, трактористкам, стахановкам, многооточницам, но не догадывалось заглянуть вперед: всплеск всегда заканчивается инерцией, подъем — спадом. Так же, как нельзя долго вести разговор на крыше, нельзя было долго эксплуатировать напряжение духовных и физических сил женщин 20—30-х годов, послевоенных лет. У нас это затянулось. Вот почему героини стали одновременно и жертвами.

Мне кажется, мы еще до сих пор по-настоящему не осознали, в каком долгу общество перед женщиной. Перед трудным противоречием «семья — работа» она попросту осталась в одиночестве. Что в результате? Неудовлетворенность своим положением ни на производстве, ни в семье, разочарование, элементарная усталость, снижение статуса семьи, ориентация (особенно у молодежи) на одиночество... Этого ли мы хотим и где же выход?

Думается, основание для оптимизма все-таки есть. Сейчас, в ходе перестройки, общество наконец повернулось к женским проблемам, скажем осторожно, вполоборота. Но и этого оказалось недостаточно, чтобы уже сейчас женщина почувствовала «передышку»: она может прислушаться к себе, понять, что же ей в конце концов надо. Но ей требуется помощь общества: другая

давно бы сделала выбор в пользу домашнего очага, да «экономическая база» не позволяет, а эта с еще большей энергией отдалась бы любимой работе, разгрузи ее хоть частично от домашних хлопот.

У меня все складывалось тоже очень непросто. Муж — известный архитектор Ладос Месхешвили, хоть и понимал «кочевую» жизнь жены-режиссера, но очень страдал от моих долгих отлучек. И дочерям — Кетеван и Нуце — тоже не хватало меня. Восполнять приходилось чем-то другим. Помогала опять-таки давняя наша традиция семейного дружелюбия: дочери и в раннем детстве понимали, что у матери может быть своя жизнь, дело. Я отвечала тем же: наши отношения строились всегда на доверии и уважении личности другого, даже если этой личности каких-нибудь пять лет, как сейчас моему внуку...

— Лана Левановна, и трагический вопрос — о ваших творческих планах.

— Я еще не отошла как следует от моей последней картины, которую мы назвали «Круговорот». Как вековечен круговорот солнца на небе, так вечен и круговорот человеческих страстей...

Жизнь одной женщины вмещает сотни жизней: здесь реальность соседствует с мечтой, короткие встречи перемежаются долгой разлукой, свои радости и свои печали, а рядом — чужие, пережитые как свои, любовь, страх, восторг... Не так ли и в жизни? Всегда ли нам удается понять невысказанное человеком, угадать и за произнесенным словом его истинный смысл? И сможем ли? Должны ли? Я не знаю ответа. Но чувствую, что чем ближе подойдем мы к тому, что составляет мысли и чувства человеческие, тем скорее добро, справедливость, живнейшие обнаружат свою неизбывную суть, помогут нам в противостоянии злу, лжи, насилию.

Беседу вел
И. МЕДВЕДЕВА.
(Наш спец. корр.).

ТБИЛИСИ.